

Эти слова повисли в воздухе.

— Маленький Гэ... это... это то, что я думаю, да? Ты правда это имеешь в виду?

Ци Хань беспорядочно сжал плечи Фу Гэ, пальцы дрожали так, что даже бета почувствовал эту дрожь.

Фу Гэ лениво упёрся ладонями ему в грудь, опустил ресницы, кусая губу, упрямо пробормотал:

— Ты не понял, что ли...

— Я не понял! — почти выкрикнул Ци Хань, но от этого уголки губ лишь сильнее дёрнулись, а по щеке покатилась горячая капля.

Он, кажется, хотел улыбнуться, но губы лишь судорожно дёрнулись. Слезы, обжигая кожу, стекали одна за другой. Ци Хань, сам не понимая, что делает, осторожно коснулся его лица, пальцы дрожали так, будто от этого касания зависела жизнь.

— Малыш... мой маленький, моя жизнь... скажи мне прямо, объясни. — голос захлебнулся, и он сделал резкий вдох, кулак больно ударил в переносицу, словно это могло помочь прийти в себя.

— Скажи мне, что у меня ещё есть шанс... что у нас ещё есть... что ты готов... простить меня?

Фу Гэ молчал.

Смотрел прямо в его глаза, не отводя взгляда. Молчал так долго, что казалось, это тянулось целую вечность. А потом вдруг резко отвернулся, будто скрывая что-то.

Когда он снова поднял глаза, в них плескалась утренняя дымка — влажная, едва уловимая.

— Если бы не был готов... тогда что я сейчас делаю? — голос был тихим, но твёрдым, в нём не было ни капли сомнений.

Ци Хань застыл, как оглушённый.

Фу Гэ потянулся пальцами к воротнику его рубашки. Лёгким движением отогнул ткань, обнажая плечи. Узкие, бледные пальцы осторожно скользнули вниз, и под тканью открылись раны — воспалённые, с заживающими шрамами, глубокими порезами и следами от повреждённых желез.

Ци Хань резко вздрогнул, инстинктивно дёрнувшись, но Фу Гэ лишь плотнее сжал его плечи,

не давая уйти.

Тихий голос, почти шёпот:

— Я же вижу, как тебе больно.

Ци Хань молчал, голова кружилась, сердце стучало так оглушительно, что, казалось, вот-вот прорвётся наружу. Он судорожно сглотнул, не зная, что сказать, и только дрожащие пальцы крепче вцепились в рубашку Фу Гэ.

— Гэ... — голос сорвался, стал почти детским, просящим. — Ты правда простил меня?

Фу Гэ не ответил.

Только медленно выдохнул и коротко кивнул, утыкаясь лбом ему в плечо:

— Угу.

Глаза Фу Гэ постепенно наливались слезами. Он смотрел на Ци Ханя так, будто сердце разрывалось от жалости:

— Ты тогда был так сильно ранен, но всё равно держал эту дурацкую записку с медвежонком и умолял не злиться... Каким же жестоким и бессердечным я должен был быть, чтобы остаться равнодушным?

— Угу... угу, я понял... — слёзы Ци Ханя наконец прорвались. Сердце, кажется, просто разлетелось в прах от этого оглушительного счастья. — Гэ... ты всё ещё жалеешь меня, да? Ты всё ещё можешь пожалеть меня, правда?

— Не только пожалеть, — тихо выдохнул Фу Гэ. Глаза, блестящие от слёз, вдруг мягко прищурились, будто он наконец смог простить не только его, но и себя.

— Какой смысл ненавидеть и злиться... Память тела не обманешь. Каждый раз, как беру кисть, думаю о тебе. Кладу её — и снова ты. Я столько раз пытался тебя ненавидеть и ранить, но когда тебя увезли в операционную, единственный, кто чуть не обезумел от отчаяния, был я...

Он зажмурился, судорожно вздохнул, дрожащие плечи слабо подрагивали, и по щеке скатилась одинокая слеза. Глаза, полные невыносимой тоски и надежды, поднялись на Ци Ханя:

— А Хань... прошло пять лет. Я устал бороться. Всё это прошлое, обиды, ненависть — давай

просто оставим это позади, ладно? Я хочу остаться с тобой.

Ци Хань ответил на это... пощёчиной себе же. Звук раздался оглушительно. Левая половина лица мгновенно покраснела.

Фу Гэ ошарашенно замер, но даже не успел спросить, как тот резко развернулся и, пошатываясь, бросился в ванную.

Ци Хань включил кран на полную, ледяные струи обрушились на лицо, смывая слёзы, прилипшие ко лбу волосы тяжёло свисали на глаза. Вода стекала за воротник, пропитывала рубашку, но это не помогало прийти в себя.

Только когда холод немного остудил лицо, он, весь покрасневший и с горящими глазами, выскочил обратно.

Схватил телефон, дрожащими пальцами открыл диктофон и сунул его Фу Гэ прямо под нос:

— Гэ, скажи это ещё раз! Я прошу, скажи ещё раз, я хочу слушать это каждый день!

Фу Гэ, не удержавшись, фыркнул и уткнулся лбом ему в плечо, сдавленно смеясь.

Он вздохнул, мягко взъерошил мокрые волосы и негромко проворчал:

— Даже не надейся, я тебе ничего записывать не буду. Давай лучше вот это.

Он тихо привстал на цыпочки, обвил шею Ци Ханя руками и осторожно коснулся носом его носа, а затем оставил лёгкий поцелуй на кончике.

— Давай просто будем жить нормально.

— Ладно! Ладно, я всё устрою! — голос Ци Ханя сорвался, он судорожно прижал его к себе, зарываясь лицом в плечо, и всхлипнул так отчаянно, будто его сломали. — Гэ, я обещаю, я в этот раз точно... точно никогда не отпущу, я тебя больше не подведу... дай мне шанс, только один...

Фу Гэ молча уткнулся ему в шею, тихо выдыхая. Пальцы мягко перебирали волосы, но в глазах уже не осталось той мягкости. Влажный блеск моментально сменился холодом, и взгляд стал колючим, почти равнодушным.

Он прикрыл глаза, опустил ресницы и, медленно и отчётливо выговаривая каждое слово, прошептал:

— Хорошо. Я дам тебе этот шанс.

Ци Хань давно представил себе этот путь. Долгий, бесконечный, ведущий в пустоту. Он был готов идти по нему вечно, даже если бы это никогда ни к чему не привело. Готов был смириться с тем, что прощения не будет.

Но на полпути вдруг почувствовал, как кто-то резко схватил его за руку. Фу Гэ смотрел прямо в глаза и говорил:

— Хватит мучиться. Давай просто будем жить нормально.

Это было похоже на то, как если бы тонущий внезапно снова смог дышать. Будто падать с высоты и почти коснуться земли, но в последний миг зацепиться за ветку.

Счастье накрыло его так резко, что в голове на секунду зашумело.

И той же ночью он свалился с температурой. Градусник показывал 40°C. Лоб был таким горячим, что на нём можно было яйца жарить.

Врачи мотались туда-сюда, проверяли и перепроверяли показатели, но так и не нашли причин. Уже почти решили, что это какое-то редкое заболевание.

Только Чэнь Син догадался, в чём дело. Он один понимал: Ци Хань просто был настолько счастлив, что чуть не отправился к праотцам.

— Ну что, хэппи-энд? — Чэнь Син молча очистил яблоко и протянул ему.

Ци Хань даже не посмотрел. Лежал, уставившись в потолок, рука лениво лежала на лбу.

Голос был глухим и тихим:

— Сделай для меня одно дело.

Он вынул из кармана ключ и протянул его Чэнь Сину:

— Улица Байшань, дом десять. Галерея FH. Там все картины маленького Гэ. Забери их.

— Понял. — Тот небрежно подкинул ключи в ладони, усмехнулся. — Готовишь ему сюрприз?

Ци Хань прикрыл глаза, длинные ресницы дрогнули, но он так и не ответил.

Жар подступил внезапно и так же быстро отступил — уже на следующее утро температура спала.

И не только это: Ци Хань внезапно взялся за работу с невиданной эффективностью и даже не жаловался на боль, когда приходилось сдавать феромоны. Чэнь Син каждый день по сто раз за это его проклинал. А после проклятий всё равно продолжал делать для этого бесценного альфы всю грязную работу.

— Держи, голубок недотраханый, — Чэнь Син бросил ему листок, на лице его застыло лёгкое недоумение. — Свежие результаты анализов твоего драгоценного Фу Гэ.

Он помедлил, затем добавил:

— Слушай, с утра ко мне заходила группа экспертов. Говорят, если Фу Гэ согласится, то теперь можно вводить ему феромоны через временную метку, тогда твою железу больше не придётся резать.

Ци Хань на секунду поднял голову.

— Кто сказал?

— Да хрен его знает, какой-то лысеющий мужик лет пятидесяти. А где вообще этот... как его... Доктор Чжэн? Он же главный врач Фу Гэ, специалист по восстановлению внутренних тканей.

— Ах, доктор Чжэн взял отгул из-за срочных дел дома, — раздался голос за спиной. К ним подошёл незнакомый врач, ветер в коридоре чуть колыхнул его редкие волосы. Ци Хань сразу понял, что это и есть тот самый лысеющий специалист.

— Как вас зовут? — спросил он, прищурился узкие глаза.

— Вэй, меня зовут Вэй. Меня срочно перевели из филиала на замену доктору Чжэну. — Лысеющий почтительно протянул руку: — Господин Ци, наслышан о вас.

Ци Хань не пошевелился, продолжая холодно его рассматривать.

Зато Чэнь Син церемониться не стал, уперев руки в бока:

— А кто вообще дал добро на твоё назначение? Это частная клиника, дружище, тут таких, как ты, не переводят просто так, без одобрения всех акционеров. Ты кто, по чьей протекции сюда влез?

Он уже полез за телефоном, бросив через плечо:

— Брат, подожди, я сейчас проверю. Что-то тут не чисто.

— А Хань? — внезапно раздался мягкий голос за их спинами.

Фу Гэ подошёл и обвил шею Ци Ханя, чмокнув его в щёку.

— Ну и где мой пирожок с мясом?

Ци Хань тут же поднял руку с коробкой и, глядя на него с явной нежностью, потрепал его по голове:

— Уже купил, обжора.

Фу Гэ весело фыркнул, принял коробку и скользнул взглядом по их лицам.

— А что случилось? Проверять что-то собрались?

— Да, тут кое-что с новым... — начал Чэнь Син, но Ци Хань его быстро перебил:

— С новыми отчётами, — спокойно пояснил он, глядя на Фу Гэ. — Вчерашние отчёты оказались сомнительными.

— Понятно, — Фу Гэ не проявил особого интереса, только переплёл их пальцы. — Но я, кажется, слышал что-то про временную метку?

Ци Хань бросил взгляд на Чэнь Сина, и тот, мгновенно всё поняв, поспешно удалился.

— Да, — мягко подтвердил Ци Хань. — Врачи говорят, что твоё состояние сейчас стабильно, и если ты согласишься, можно будет вводить феромоны через временные метки.

— То есть тебе больше не придётся отдавать свои феромоны? — Глаза Фу Гэ мгновенно загорелись.

— Да, — тихо ответил Ци Хань.

— Теоретически да, но не нужно себя заставлять, — Ци Хань переплёл его пальцы со своими и медленно поглаживал. — Если пока не можешь принять, будем продолжать вытягивать феромоны. Я уже привык. Как только ты окончательно оставишь прошлое позади, тогда и

подумаем про временную метку.

— Как можно к этому привыкнуть! — Фу Гэ насупился, явно не соглашаясь. — Боль есть боль, невозможно привыкнуть только потому, что это часто происходит!

Ци Хань замер на мгновение, а потом вдруг рассмеялся.

Фу Гэ растерянно моргнул:

— Чего ты?

Ци Хань поднял руку и легко ущипнул его за нос, глядя на него с каким-то удовлетворением:

— Знаешь, это я только от тебя раньше слышал. Ты тогда говорил это Ци Чуаню... А я так завидовал ему.

Фу Гэ прикусил губу, взгляд потускнел от вины и сожаления:

— А Хань, ты... ты злишься на меня? Я тогда ведь не знал, что это ты...

— Да как бы не так, — мгновенно оборвал его Ци Хань. — Главное, чтобы ты меня простил.

— Хорошо, — Фу Гэ мягко улыбнулся и потёрся щекой о его плечо, обхватив его руку. — Тогда давай используем временные метки, а феромоны больше не будем вытягивать, ладно? Тебе слишком больно.

— Угу, — Ци Хань кивнул. — Сегодня вечером?

Щёки Фу Гэ залил лёгкий румянец, и он, запинаясь, пробормотал:

— Только... заранее предупреждаю, чтобы не как в старших классах! Ты тогда так сильно меня укусил, что я неделю шею прятал!

Хотя планировали сделать метку вечером, до восьми Ци Хань так и не вернулся. Похоже, сегодня он был особенно загружен и смог выбраться только к девяти.

Боясь, что Фу Гэ уже заждался, он поспешил в больницу. Едва открыл дверь палаты, тут же ощутил слабый запах алкоголя. В комнате было пусто, лишь из ванной время от времени доносились тихие звуки.

— Сяо Гэ? — позвал он, голос прозвучал мягко, но уверенно.

— ...Угу?

— Ты в душе?

— ...Угу.

Прошло пару секунд, и вдруг Фу Гэ неуверенно спросил:

— А почему не заходишь?

Ци Хань тихо фыркнул, уголки губ дрогнули в тёплой улыбке:

— Ты вот так просто вступишь меня, да?

— Если не зайдёшь, как ты меня вынесешь? — пробормотал маленький бета, голос звучал невнятно и чуть капризно.

Ци Хань чуть прищурился, тон остался спокойным, но с лёгким укором:

— Что с тобой? Голос какой-то странный.

Побоявшись, что тот успел переусердствовать с горячей водой, Ци Хань распахнул дверь и вошёл в ванную.

Пара шагов — и он остановился у края ванной. Как и ожидал, Фу Гэ полулежал в горячей воде, лицо покраснелось, а рядом на плитке валялись скомканные обёртки от шоколада — штук семь или восемь.

Ци Хань поднял одну, поднёс к носу и сразу понял, в чём дело.

— С алкогольной начинкой? Кто тебя этим накормил? — его голос прозвучал строго, но с тенью мягкости.

Фу Гэ напивался буквально с одного глотка, и всё, что содержало алкоголь, было ему строго противопоказано. А тут столько шоколада... Неудивительно, что тот уже совсем окосел.

— Сяо Бао дал... Врач запретил, а он всё равно тайком мне принёс, — пробормотал Фу Гэ, прикрыв глаза.

Затем он перевернулся на живот, опустил лицо в воду по нос, а носом выше — оставил снаружи, моргая широко распахнутыми глазами. Он выпустил несколько пузырьков, чуть подогнув спину, и погрузился в воду почти полностью. Белая пена скрывала большую часть тела, но сквозь неё проступал мягкий розоватый оттенок кожи.

Глаза Ци Ханя на мгновение потемнели, но он тут же заставил себя отвести взгляд, голос его прозвучал сдержанно:

— Знал, что врач запретил, и всё равно съел. И этого мелкого называешь ласковее, чем меня.

Фу Гэ лениво фыркнул:

— У него это имя такое.

С этими словами он черпнул горсть воды и плеснул прямо на брюки Ци Ханя.

— Опять балуешься, — тихо сказал Ци Хань, перехватил его скользкую руку и мягко, но уверенно притянул к себе. Маленький бета податливо прильнул, щекой к его ладони, тёплый и влажный. Он потерял лицо и мягко пробормотал:

— Вытащи меня... Надо же сделать метку...

Ци Ханю до одури нравилось это ленивое выражение на лице Фу Гэ — полное доверие, как будто он готов был отдаться ему целиком. Поэтому он нарочно поддразнил:

— Сам встать не можешь?

— Не могу, сил совсем нет... Ещё немного и начну течь, — пробормотал Фу Гэ, щёки его покраснелись, глаза затуманились от выпитого, взгляд стал наивным и растерянным. Он выглядел глуповато, но до ужаса мило.

Ци Хань ощутил, как внутри что-то сжалось и тут же растаяло. Он аккуратно подхватил Фу Гэ на руки, завернул в полотенце и отнёс в постель. Всю дорогу мысленно повторял мантру: «Всё суета, всё пустое», — только это помогло не сорваться, пока он осторожно вытирал тёплую, мокрую кожу.

Фу Гэ опёрся на кровать, оголённая грудь ловила тусклый свет лампы, и он, с надеждой уставившись на Ци Ханя, неуверенно спросил:

— А... кусать куда будешь?..

Ци Хань с улыбкой провёл пальцами по его уху, голос прозвучал низко и чуть насмешливо:

— Только в шею.

— В шею? — Фу Гэ заметно расстроился, плечи опустились, и он выглядел так, будто на него только что обрушилось горе вселенских масштабов. — Ну ладно... — Пробурчав это, он покорно повернулся спиной и подставил шею.

Ци Хань посмотрел на тонкую кожу на затылке, провёл пальцем по нежной линии и замер, не в силах заставить себя укусить. Он медлил пару секунд, затем тихо спросил:

— Ты точно готов?

Фу Гэ приподнял голову, и в тот момент, когда Ци Хань уже собирался услышать утвердительный ответ, тот неожиданно глухо шлёпнулся лицом в подушку.

Фу Гэ заснул.

— ...Сяо Гэ? Сяо Гэ! — тихо позвал он, но ответа не последовало.

Ци Хань беззвучно выдохнул, аккуратно укрыл его одеялом и медленно провёл ладонью по его лбу, помогая уснуть глубже. В это же время его пальцы нащупали под подушкой маленький металлический предмет.

Это был тот самый значок с цифрами и планетой.

Мгновение — и всё тепло исчезло из глаз Ци Ханя. Он стиснул значок в ладони так, что острые края вспороли кожу, и только пугающе выдающиеся жилы на кисти говорили о той ярости, что хлопотала внутри.

Значок всё ещё был в его руках, когда он, не выпуская его, поднялся на ноги, схватил с операционного столика маленький молоток и молча вышел в соседнюю комнату.

Металл стукнул о стол, значок полетел на поверхность. Не раздумывая, Ци Хань замахнулся и со всей силы ударил молотком.

Но в последний момент железо замерло в воздухе, в каких-то двух сантиметрах от значка.

Ци Хань стоял неподвижно, без единой эмоции на лице. Пальцы разжались, молоток упал на пол с глухим стуком.

Он поднял значок, вернулся в спальню и осторожно вернул его под подушку, словно ничего и не случилось.

Потом, присев на край кровати, Ци Хань тихо наклонился и оставил лёгкий, едва ощутимый поцелуй на лбу Фу Гэ. Взгляд его стал тусклым, полным безысходности и печали.

— Я же обещал, — прошептал он почти неслышно. — Всё, что ты хочешь, я тебе дам.

Даже если я знаю, что всё это ложь. Даже если я понимаю, что ты лжёшь мне на каждом шагу...

Человек, который до недавнего времени только и мечтал, как бы его убить, не мог перемениться в одночасье только из-за одной случайной раны.

Ци Хань слишком хорошо это понимал.

И слишком хорошо помнил, как Фу Гэ с отвращением говорил, что больше всего ненавидит вплетать числа в свои рисунки.

<http://bllate.org/book/14453/1278330>